

В. В. ПИМЕНОВ

К ВОПРОСУ О КАРЕЛЬСКО-ВЕПССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ

I

Вопрос о карельско-вепсских культурных связях имеет свою, правда очень короткую, историю. Одним из первых поднял его В. Н. Майнов². Им было констатировано языковое и культурное сходство южных групп карелов и вепсов. Однако он, правильно подметив это явление, дал ему неверное толкование. Общие черты в их языке и культуре Майнов объяснял, исходя из господствовавшего в его время представления, будто такое сходство обусловлено исключительно общим происхождением этих народов от одного корня. Майнов предполагал, что это этническое целое разделилось где-то в районе Приладожья, причем одна часть (карелы) расселилась на Олонецком перешейке и в дальнейшем устремилась еще далее на север, а другая часть (вепсы) задержалась в районе Южного Приладожья. Границей между двумя образовавшимися народами служила р. Свирь. Другие этнографы, отмечая сходство культуры вепсов и карелов, не выдвинули вообще никаких гипотез.

В кратком обзоре финно-угорских народов, составленном Н. Н. Поппе и Г. А. Старцевым, интересующему нас вопросу посвящена лишь одна фраза: «По занятиям и промыслам они (вепсы. — В. П.) близко стоят к карелам»³. Не менее бегло высказался и Д. А. Золотарев, предположив этническое родство вепсов и карелов-людиков на основании некоторых (каких именно, он не раскрывает) этнографических данных и антропологических особенностей жителей, населяющих район распространения лудиковского диалекта⁴. Высказывания некоторых финских и главным образом дореволюционных русских и советских ученых по этому вопросу были суммированы И. Манниненом. Им справедливо отмечались некоторые близкие или аналогичные черты в материальной культуре карелов и вепсов⁵. Однако Маннинен неправоммерно сблизил в целом культуру вепсов и карелов, не подразделяя по исторически сложившимся языковым и этнографическим признакам собственно карелов, ливвиков и лудиков.

Этим, собственно, и исчерпывается вся относящаяся к данному вопросу этнографическая литература.

Между тем специалисты в других областях гуманитарной науки сделали в этом направлении значительно больше, причем пришли к

¹ Статья представляет собой часть более обширного исследования о вепсах и посвящена сравнительно узкому вопросу — выяснению сходных черт в культуре карелов и вепсов. Ввиду этого многие сравнительные данные о других народах Европейского Севера здесь не нашли отражения. — В. П.

² В. Н. Майнов, Несторова Вось и карельские дети, «Живописная Россия», т. I, ч. 2, стр. 496, 511 и др.

³ Н. Н. Поппе и Г. А. Старцев, Финно-угорские народы, Л., 1927, стр. 7.

⁴ Д. А. Золотарев, Карелы СССР, Л., 1930, стр. 96—97.

⁵ См.: I. Manninen, Die finnisch-ugrischen Völker, Leipzig, 1932.

выводам, бесспорно указывающим общее направление, в котором следует вести работу и этнографам. В первую очередь должны быть названы труды Д. В. Бубриха по прибалтийско-финскому языкознанию⁶. Исследуя языковой материал, Бубрих пришел к следующим основным заключениям, высказанным в разных работах: районом первоначального формирования племени Корела было западное и северо-западное Приладожье; областью складывания вепсской этнической общности (древняя Весь летописи, вису — арабских авторов) являлось южное Приладожье в «углу» между реками Волховом и Свирью. В силу разных причин древние вепсы из области своего первоначального обитания продвинулись на восток, обосновавшись к югу от Свири, распространились до Белого озера и даже Заволочья, перешли Свирь и заселили весь Олонецкий перешеек. С другой стороны, Корела, двигаясь по северному берегу Ладожского озера, также появилась на Олонецком перешейке, причем ее мирная миграция шла последовательными волнами, оказавшими различное влияние на местное древневепсское население (на грани I и II тысячелетий и в первые века II тысячелетия н. э., за исключением последней волны, относящейся к XVII в.). Результатом их явилось формирование карельского народа в составе трех языковых и этнографических групп: собственно карелов, занимающих область к северу от среднего течения р. Суны; ливвиков — на восточном берегу Ладожского озера и людиков, обитающих в западном Прионежье, за исключением юго-западного берега Онежского озера, где живут вепсы. Участие больших масс древневепсского населения в формировании южных карелов явственно видно по данным южных диалектов карельского языка, обнаруживающих много общего с вепсским языком (ливвиковский диалект в несколько меньшей степени, людиковский диалект — в большей).

Данные языка находят подтверждение и в археологических материалах. Еще в конце прошлого века в юго-восточном Приладожье, в междуречье Волхова и Свири, Н. Е. Бранденбург была открыта своеобразная курганная культура IX—XI вв. н. э. Последующими исследованиями, проведенными главным образом уже в советское время В. И. Равдоникасом, А. М. Линевским и некоторыми другими археологами, курганные погребения были вскрыты в восточном Приладожье, в среднем течении и верховьях р. Ояти, а также в отдельных пунктах Прионежья. Даже беглое сравнение материалов раскопок демонстрирует поразительное сходство, если не полное тождество, культуры этих районов, что позволяет с большой степенью вероятности считать их единой культурой⁷. Еще Н. Е. Бранденбург и А. А. Спицын склонялись к мысли о том, что создателями ее были какие-то чудские (т. е. финноязычные в широком смысле слова) племена, обитавшие в этом районе. Современное состояние наших знаний позволяет уточнить это предположение и считать, что основным этническим компонентом здесь были древние вепсы, колонизовавшие Олонецкий перешеек, а также более восточные районы по р. Ояти.

⁶ См. работы Д. В. Бубриха: «Происхождение карельского народа», Петрозаводск, 1947; «О двух этнических элементах в составе карельского народа», «Сов. финно-угроведение», т. I, 1948; «Из этнонимии Карелии», там же; «Не достаточно ли емких теорий?», «Изв. Карело-Финского филиала АН СССР», 1951, № 1; «Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных», «Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», 1948, № 3, и др.

⁷ См.: Н. Е. Бранденбург, Курганы юго-восточного Приладожья, СПб., 1895; В. И. Равдоникас, Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, М.—Л., 1934; А. М. Линевский, Общество юго-восточного Приладожья в XI в., «Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», 1949, № 1; «Хрестоматия по истории Карелии», Петрозаводск, 1939; Я. В. Станкевич, Курганы юго-восточного Приладожья и Карело-Финской ССР, «Археологический сборник», Петрозаводск, 1947.

Однако этим вопрос не исчерпывается. Конец I и начало II тысячелетия н. э. ознаменовались появлением в исследуемом районе нового и весьма мощного этнического элемента — славянского, которому суждено было сыграть здесь, на Севере, выдающуюся историческую роль. Не останавливаясь на данных языка, укажем на некоторые типично славянские вещи, обнаруженные в курганах: керамику, шиферные пряслица, височные кольца, возможно — и мечи. Все это, включая сюда и самый курганный обряд захоронения, позволяет говорить о том, что славянское влияние на аборигенное население здесь было чрезвычайно глубоким и значение его в течение всей феодальной эпохи все более возрастало.

Таковы, по нашему мнению, факты, определяющие направление изучения карельско-вепских культурных связей на этнографическом материале. Имеются ли на самом деле общие черты в культуре и быте вепсов и южных групп карелов, и если да, то какова степень близости этих культур? Каковы причины, породившие эту близость: смутный ли это отголосок древнейших связей той поры, когда прибалтийско-финский язык-основа составлял единое целое (что маловероятно); результат ли это вхождения вепсов в состав южных групп карельского населения, или же карелы и вепсы испытали мощное культурное воздействие со стороны великорусов, которое нивелировало самобытные черты обоих народов? Наконец, не сыграло ли здесь известной роли то обстоятельство, что оба народа с давних времен живут в сходных географических условиях? Теперешний уровень наших знаний еще не позволяет полностью ответить на поставленные вопросы. Задача, однако, состоит в том, чтобы день ото дня накапливать факты, на основании которых можно было бы приблизиться к разрешению проблемы в целом или отдельных ее частей.

Дальше излагаются материалы наблюдений, полученных в результате работы ряда экспедиций, проведенных под руководством автора⁸.

II

Область, лежащая между Ладожским, Онежским и Белым озерами — бассейн р. Свири и ее притоков, — с глубокой древности была средоточием сложных этнических процессов, следы которых могут быть отмечены и теперь. Этнический состав этой области до настоящего времени отличается значительной пестротой.

Угол, образуемый восточным берегом Ладожского озера и низовьями р. Свири, обитает карельским населением, говорящим на ливвиковском диалекте карельского языка (самоназвание — карьяла, ливвикей, ливгиляйне, ливвикейд раи'ваз); восточнее ливвиков в меридиональном направлении протянулась сравнительно узкая полоса, заселенная карелами-людиками, говорящими на людиковском диалекте карельского языка (самоназвание — карьяла, люудикой, лиудилайне); еще восточнее, по юго-западному берегу Онежского озера, живут северные вепсы (самоназвание забыто; оно прослеживается в фразе «Миня олен людикей», в переводе: «Я ем говорящий на людском языке», т. е. «Я — вепс»). На 30—50 км к северу и к югу от р. Свири обитает великорусское население (впрочем, есть данные, говорящие в пользу того, что оно в своей массе составилось в результате обрусения вепсов, ранее здесь живших)⁹. К югу от р. Свири, в верховьях рек Ояти и Паши, по тече-

⁸ Экспедиции 1955 г. — к северным вепсам (Прионежский район КАССР), 1956 г. — к русскому населению восточного Прионежья (Пудожский район КАССР), 1957 г. — к средним вепсам и южным карелам (Шольский и Вытегорский районы Вологодской области, а также Винницкий и Капшинский районы Ленинградской области, Пряжинский и Олонецкий районы КАССР), 1958 г. — к южным вепсам (Ефимовский район Ленинградской области).

⁹ Н. И. Богданов. К истории вепсов. «Изв. Карело-Финского филиала АН СССР». 1951, № 2; см. также «Список населенных мест по Олонецкой губернии», СПб. 1879 — Лодейнопольский и Вытегорский уезды.

нию р. Капши, а также в районе Шимозера и западнее Белого озера обитают вепсы (южная группа вепсов, живущих в Ефимовском районе Ленинградской области, называет себя «бэпся»; остальные называют себя «людникад», т. е. так же, как северные вепсы и карелы-людики). Наконец, имеется еще одна группа аборигенного населения, а именно население Михайловского сельсовета Олонецкого района КАССР (самоназвание — лиудинилайне; кроме того, местность свою называют порусски Лояница, а на своем языке — Кууярвь или, изредка, Кууярвила, а себя — кууярвилаажет). В отношении языка населения Лояницы нет единого мнения: Д. В. Бубрих безоговорочно относит его к людиковскому диалекту¹⁰, Н. И. Богданов склонен видеть в нем диалект вепсского языка¹¹ или даже считать его чуть ли не отдельным самостоятельным языком¹². Отметим, что само население Лояницы довольно четко отличает себя от олонецких карелов-ливвиков, но в то же время ни в коем случае не отождествляет себя и с вепсами.

Представления южных карелов (и лоянцев в том числе) об этническом окружении сводятся к следующему: они знают русских (венялайне), финнов (суомалайне), шведов (руотсалайне; иногда так называют и финнов), лопарей-саамов (лапполайне). Что касается вепсов, то они стали известны здесь под этим именем лишь в самое последнее время, когда представители этой национальности стали здесь появляться в качестве рабочих, учителей и т. п. На вопрос о том, на каком языке говорит население по р. Ояти, обычно отвечают, что на «оятском», который хотя и «похож на наш», но все же кое в чем от него отличается; жителей же называют «оятцами» (ояттилаажет). Вепсы из своего этнического окружения знают обычно русских, финнов и карелов. Правда, говоря о последних, вепсы всегда подчеркивают свое родство с ними, в особенности языковое. Однако совсем еще недавно Д. В. Бубриху и его сотрудникам удалось установить, что в прошлом карелы, обитающие в пределах КАССР, своих южных соседей, тоже карелов, как правило, называли «вепся»¹³. Все эти факты, как кажется, подтверждают наличие вепсского компонента в составе карельского народа.

III

В области хозяйственной деятельности у южных карелов и вепсов имеется много общего. Основу хозяйства составляет земледелие (в прошлом — трехполье, с сильными пережитками подсечной системы). Орудия обработки почвы — два вида сохи: полевая (адр) и более легкая, применяемая на подсеке (пало адр). Характерно отсутствие косули, широко бытовавшей у русского населения Пудог и Каргопольщины. Борона (ливвиковск. — асту, людиковск. — агес, вепск. — ягез), зубчатый серп (сирп, чирп), цеп (вепск. — чиеппи, людиковск. — приуша), коса — горбуша (викатеһ)¹⁴, грабли (һарав) везде одинаковы. Специфическим для ливвиковского населения Олонецкой равнины следует считать большой деревянный каток (виеру), при помощи которого раз-

¹⁰ См.: Д. В. Бубрих, Происхождение карельского народа, карта на стр. 8.

¹¹ Н. И. Богданов, Указ. раб., стр. 25—26.

¹² Н. И. Богданов, К вопросу о возвратных формах глагола в диалекте Михайловского сельсовета Олонецкого района Карело-Финской ССР, «Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР», 1947, стр. 132. В настоящее время карельские лингвисты склонны поддерживать точку зрения Д. В. Бубриха.

¹³ Д. В. Бубрих, Из этнонимики Карелии, «Сов. финно-угроведение», т. I, 1948, стр. 123—128.

¹⁴ Орудие, напоминающее серп или косу-горбушу, отмечено в археологическом материале: Н. Е. Бранденбург, Указ. раб., стр. 71. У карелов-людиков горбуша зафиксирована Н. Я. Озерецковским (См. его работу «Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя», СПб., 1812, стр. 191).

бивали комья земли на пашне. Основными культурными растениями всех этих народов являются: ячмень (озр), рожь (ругиж), овес (кагр), репа (нагриж), лен (пюувяз). За последние 70—50 лет большое значение приобрел картофель, почти полностью вытеснивший репу.

Сжатый и увязанный в снопы (снуап) хлеб для просушки складывается в десятки (рожь) или бабки (ячмень, овес). Просушенные снопы ржи укладывают в стога (кего) своеобразным способом: в землю втыкают жердь, вокруг которой плотно укладывают снопы колосьями вовнутрь. Этот способ отмечен у средних вепсов и у населения Лоянцы. Интересно точило, прежде широко распространенное у южных карелов и вепсов: деревянная лопаточка (из дуба или березы), покрытая мелкими насечками, сделанными ножом; перед употреблением на сенокосе точило смачивают водой и посыпают мелким песком¹⁵.

О древности земледелия у вепсов и южных карелов говорит бытование некоторых обрядовых кушаний, например чирппи пийрай — «пирог серпа», который пекли в последний день жатвы, а также ржаного или ячменного пива.

Другая отрасль хозяйства — животноводство, в известной мере удовлетворяющее потребности населения в молочных и мясных продуктах; кроме того, навоз раньше имел очень большое значение как органическое удобрение для полей. Породы скота и у южных карелов и вепсов одни и те же. Отметим, что ни те, ни другие до самого последнего времени¹⁶ почти не разводили свиней¹⁷. Вместе с тем, и в вепском языке, и в южно-карельских диалектах имеются собственные термины для обозначения свиньи (ливиковск. — потчи; людиковск. — пот вепск. — сига). Это — трудноразрешимое противоречие, если принять во внимание, что термины не заимствованы и отсутствуют сколько-нибудь внятные указания на наличие свиноводства в археологическом материале¹⁸.

Большое значение с глубокой древности имело здесь рыболовство по временам — и промысловое, особенно в Приладожье, в районе Тилоксы и Видлицы, и у прионежских вепсов¹⁹. На мелких внутренних водоемах рыболовство было исключительно потребительским; здесь оно велось по всему описываемому району одинаковыми способами и орудиями. Характерны и осиновые долбленые из одного ствола рыбацки челны (хонгой) с двумя пришитыми вплотную к бортам сосновым брусьями-балансирами, очень напоминающие известный деревянный челн неолитической эпохи, найденный в Приладожье²⁰.

Охота прежде имела товарное значение²¹ (вывоз битой боровой дичи на петербургский рынок). У вепсов и южных карелов бытовали одинаковые способы охоты: с ружьем, силками, капканами, ловушками и т. п. Особо отметим способ имитации следов промысловых животных при установке капкана или ловушки: такие «следы» наносили на снег трехпалым деревянным инструментом, напоминающим лопаточку

¹⁵ I. Manninen, Указ. раб., стр. 79. О бытовании аналогичного инструмента у марийцев см.: Г. А. Крюкова, Материальная культура марийцев XIX в., Йошка-Ола, 1956, стр. 17.

¹⁶ Сколько-нибудь значительное свиноводство появилось здесь лишь в 30-х годах после коллективизации.

¹⁷ Ср. К. Бергштрессер, Опыт описания Олонецкой губернии, СПб., 183, стр. 87; Н. Я. Озерецковский, Указ. раб., стр. 106.

¹⁸ Указание А. М. Линевского спорно (См.: А. М. Линевский, Указ. раб., стр. 62.)

¹⁹ Ср. Н. Я. Озерецковский, Указ. раб., стр. 172—173, 180.

²⁰ А. А. Иностранцев, Доисторический человек побережья Ладожского озера, СПб., 1882, стр. 172.

²¹ Ср. И. Поляков, Этнографические наблюдения во время поездки на восток Олонецкой губ., «Записки Русского геогр. об-ва по отделению этнографии», т. III, 187, стр. 397.

длинной ручкой²². При ночевке в лесу в холодное время года огонь разводили своеобразным способом — используя два длинных бревна с пазами, положенные одно над другим и укрепленные кольщиками (ливвиковск. — нуудей, вепсск. — нодьһ). Слово нодья (несомненно прибалтийско-финского корня), известное в северо-великорусских диалектах, а также у коми-зырян и марийцев, распространилось, вероятно, вместе с самым культурным явлением²³. Особенно популярна стала нодья со второй половины XIX в., когда массы местного населения в поисках заработка, необходимого для уплаты податей и покупки хлеба, устремились на зимние разработки леса, жили в лесу, часто в «станках» — строениях без четвертой стены (об этом ниже) и обогревались таким старинным способом²⁴.

В плане нашей проблемы представляют интерес некоторые средства передвижения. О долбленых челнах уже говорилось. Плохие дороги (а подчас отсутствие их вообще) обусловили сохранение волокуши (собственно карельск. — рекекет, вепсск. — ретһудед, ретукад), известной в различных вариациях также у северных великорусов, северных карелов и у коми-зырян. Р. Ф. Тароева отмечает большое сходство в конструкции северокарельской и вепсской волокуш²⁵. Лыжи (суксет) у южных карелов одинаковы с вепскими, но отличны от лыж северных карелов, где были распространены такие, в каждой паре которых одна лыжа была короче другой. Бытовые предметы (керамика, изделия из бересты, из дерева и т. п.) также обнаруживают много общего, а в ряде случаев они одинаковы. В изучаемый район керамика, например, поступала из трех центров, которые находились в д. Надпорожье и ее окрестностях на р. Ояти (вепсы), неподалеку от Андомского погоста в южном Прионежье (русские) и в Паданах, на Сегозере (собственно карелы)²⁶. Наиболее ценились здесь изделия вепсских гончаров. Таким образом, экономические связи имели, вероятно, существенное значение в выработке общих бытовых особенностей.

IV

В описываемом районе распространен единый, гнездовой тип расселения в двух его видах: обычный, разбросанный гнездовой и сросшийся гнездовой²⁷. Основным типом поселения следует считать деревню (ливвиковск. — һиеру, кюля; карельск. — кюля; вепсск. — пагаст, посад, кюля), также двух видов — с беспорядочной или уличной планировкой. Однако комбинации типов расселения и типов поселения имеют локальные различия. На территории южных вепсов господствуют разбросанный гнездовой тип и беспорядочное, скученное расположение построек в деревнях; в местностях, занятых средними вепсами и смежными группами великорусов, тип расселения тот же, а деревни имеют как беспорядочную, так и уличную планировку; у прионежских вепсов сросшийся гнездовой тип расселения сочетается с уличной планировкой деревень;

²² Ср. I. Манинен, Указ. раб., стр. 78.

²³ См. I. Манинен, Указ. раб., стр. 78; В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1956, т. II, стр. 553.

²⁴ См.: С Макарьев, Вепсы, этнографический очерк, Л., 1932, рис. на стр. 12.

²⁵ Р. Ф. Тароева, Материальная культура северных карел во второй половине XIX в. и первой половине XX в. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1954, стр. 11—12.

²⁶ См.: И. И. Благовещенский и А. Л. Грязин, Кустарная промышленность в Олонечкой губернии, Петрозаводск, 1895, стр. 38—40.

²⁷ См.: М. В. Витов, О классификации поселений, «Сов. этнография», 1953, № 3; его же, Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение, «Сов. этнография», 1955, № 2; В. В. Пименов, Поездка к прионежским вепсам, «Сов. этнография», 1957, № 3.

то же сочетание (с отдельными исключениями) отмечено в восточной Приладожье и у ливвиковского населения Пряжинского района КАССР. У населения Лояницы, как и у южных вепсов и северных карелов, разбросанный гнездовой тип расселения сочетается с беспорядочной планировкой деревень²⁸.

Именно такие сочетания типов расселения и планировки деревень характерны для района обитания вепсов и южных карелов. Но гнездовой тип расселения и беспорядочная планировка, столь широко распространенные на Европейском Севере и возникшие, видимо, не позднее середины XVII в., могут быть поставлены в связь с древним расселением чудских (в основе своей, конечно, вепских) этнических групп. Это допускает и М. В. Витов²⁹.

По всему изучаемому району в прошлом была распространена косяная изгородь³⁰, которую теперь местами заменила уже прямая, а также единый тип деревенского общественного колодца (вепск.— кайв)³¹ рубленного «в лапу», с крышкой и берестяным черпаком на шесте длиной до 2,5 м.

Весь север Европейской части СССР представляет собой область распространения севернорусского³², или, иначе, «новгородского»³³, жилищного комплекса, однако в пределах этой огромной области могут быть выделены определенные локальные варианты, которые, возможно, связаны с местной этнической традицией. Интересно отметить, что у южных карелов (в частности, в Лоянице) и вепсов до начала нашего столетия широко бытовал характерный тип промыслового жилища — промысловая избушка (муа пертийне) — полуземлянка, углубленная в землю на 50—70 см, отапливаемая примитивной печью-каменкой (кийдук) без дымохода. Другой тип промыслового жилища, свойственный этому району, — стан, постройка, состоящая из трех стен и открытая с одной стороны, с односкатной плоской крышей; в таком стане обогревались при помощи ножи³⁴. Возможно, что подобные формы и явились исходными в местной традиции строительства. В дальнейшем она подвергалась интенсивному воздействию севернорусского народного зодчества.

Теперь уже можно считать установленным наличие особенностей жилища, общих всем группам вепсов; с другой стороны, прослеживаются и локальные особенности в жилищах и постройках вепсов (и населения Лояницы), которые, по нашим данным, примерно совпадают с диалектными границами вепского языка³⁵. Такая же картина, вероятно, может быть установлена и применительно к трем основным группам карелов. Во всяком случае, по нашим наблюдениям, в жилище ливвиков под Олонцом и неподалеку от Пряжи обнаруживается больше общих черт, чем с жилищем Лояницы.

Вместе с тем, в жилище и постройках южных карелов и вепсов прослеживаются многочисленные общие черты, не только в целом, но и в деталях. Это — местоположение стола в избе, у фасадной стены; оригинальная конструкция стола — с откидной крышкой, которая при необходимости увеличивает стол вдвое; боковое направление устья печи (что

²⁸ Р. Ф. Гароева, Указ. раб., стр. 9.

²⁹ М. В. Витов, Формы поселений Европейского Севера и время их возникновения, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXIX, 1958, стр. 36.

³⁰ См.: Р. М. Габее, Карельское деревянное зодчество, М., 1941, стр. 20.

³¹ Интересно, что вепсы объясняют прозвище «кайваны», данное им русскими, от «кайван» (1-е лицо, ед. числа от глагола «кайда» — копать).

³² Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Восточнославянский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXI, М., 1956, стр. 63.

³³ I. Maappinen, Указ. раб., стр. 50.

³⁴ С. Макарьев, Указ. раб., стр. 12.

³⁵ На эту тему автор предполагает написать отдельное исследование.

встречается чаще всего); жараток с крюком у печи; маленькая кирпичная печка-временка (пучуйне пяччйне), служащая в основном для обогрева помещения (хотя иногда он имеет и плиту), распространенная в районе Олонца, а также у средних и южных вепсов; в некоторых деревнях у лоянцев — взезд с заднего фасада двора (такой же взезд бывал в прошлом у средних вепсов)³⁶. Наибольшее количество общих черт обнаруживается у южных карелов с северными (прионежскими) вепсами: например, ромбический орнамент на досках, которыми обшиты углы дома у северных вепсов, ливвиков Пряжи и людиков в районе Спасской Губы³⁷.

V

Изучать традиционную карельскую и вепскую одежду трудно, потому что она почти исчезла из быта. В связи с этим часто приходится довольствоваться изучением не самих вещей, а лишь выкроек; подчас же — только распросными данными.

Ткани для народной одежды южных карелов и вепсов изготовлялись главным образом из льняных или шерстяных нитей (или их сочетания) на горизонтальном стане восточнославянского типа. Отметим, что образцы тканей XI в., добытые при раскопках курганов по р. Ояти, тождественны тканям, которые изготовляли в этом районе крестьянки лет 50 назад³⁸.

Основу женского костюма составляла рубаха (Южнокарельск. — ряччин, вепск. — рящчин), наиболее ранний вариант которой — с длинными рукавами (ниям), туникообразная. Автором настоящего сообщения уже было констатировано наличие у северных вепсов комплекса женской одежды с юбкой, а не с сарафаном³⁹. Более поздними полевыми исследованиями установлен тот же комплекс и у средних вепсов⁴⁰. Аналогичный комплекс имеется у значительной части ливвиковского населения, особенно в местностях, удаленных от Ладожского побережья. Впрочем, термин «сарафан» (или у ливвиков — «ферязи») здесь известен; однако этим термином обозначается та же юбка. Комплекс женской одежды с сарафаном был известен у южных вепсов, населения Лояницы и ливвиковского населения Приладожья⁴¹. Он был широко распространен, а отчасти бытует еще и теперь, у русского населения Пудожского района КАССР, Поморья и Вологодской области и у северных карелов.

Можно предполагать, что исходной формой в развитии местного женского костюма был комплекс с юбкой. На эту мысль наводит чрезвычайное обилие различных праздничных, исподних и рабочих юбок: виллаине юпку — из трех шерстяных полотнищ с орнаментом по подолу; алуз юпку — нижняя, устойчивый элемент поясной женской одежды; кисей юпку — тоже нижняя, из покупной ткани; пейкой юпку — домогканная рабочая юбка; рибу юпку (вепсек. — одеяльни дюлк') — рабочая, в ней работали на подсеке, — которая изготовлялась из особой ткани: основа нитяная льняная, а уток из тонко нарезанных льняных же тряпочек. Заметим также, что «смертная одежда», в комплексе которой особенно долго сохраняются традиционные особенности, повсюду

³⁶ Ср. В. Н. Майнов, Несторова Весь и карельские дети, «Живописная Россия», т. I, ч. 2, стр. 502.

³⁷ Ср. В. В. Пименов, Указ. раб., стр. 160. Замечу кстати, что в этой заметке мною допущена описка: там сказано, что у северных вепсов изба рубится «в лапу», следует читать: «в угол».

³⁸ А. М. Линевский, Указ. раб., стр. 62.

³⁹ В. В. Пименов, Указ. раб., стр. 161.

⁴⁰ С. Макарьев также ничего не говорит о сарафане (Указ. раб., стр. 27—29).

⁴¹ Ср. П. Минорский, Олонецкие карелы и Ильинский приход, «Олонецкий сборник», Петрозаводск, 1886, вып. 2, отд. 1, стр. 199.

включает именно юбку, а не сарафан. Особый башлык (у северных вепсов — кукель), бытовавший в прошлом у всех вепсов и у ливвиков⁴² у северных вепсов, входит именно в комплекс «смертной одежды».

Можно указать также на ряд деталей костюма, общих южным карелам и вепсам. Так, у девушек был обычай поверх праздничного наряда вокруг талии повязывать широкую яркую ленту, делая сзади большой бант. Непременной принадлежностью мужского костюма у карелов, в том числе и у северных, а также в Лоянице, является зимний шарф, а летом шейный платок; у средних вепсов в прошлом он также бытовал⁴³.

VI.

В различных проявлениях общественного и семейного быта южных карелов и вепсов мы также находим много общих институтов, обычаев, обрядов и т. п. У обоих народов в прошлом существовала большая семья, во главе которой стоял большак — хозяин (ижанд) и большуха (ливвиковск. — эмяндю, вепск. — эмаг), которые руководили всей жизнью семьи⁴⁴. В отдельных деревнях подчас большинство жителей носили одну и ту же фамилию (у вепсов — Ишанины в д. Ишаниной, «гнездо» Вехручей; у ливвиков — Гавриловы в д. Гавриловке, «гнездо» Видлица), в чем можно видеть следы патронимий. С границами «гнезда», как правило, совпадают границы поземельной общины, самое существование которой у финских народов неосновательно отрицалось⁴⁵. Эти пережиточные формы общественного строя сохранялись у карелов и вепсов значительно дольше, чем у смежно живущих русских. Черты своеобразия гораздо лучше прослеживаются в некоторых деталях свадебной обрядности. Правда, и здесь мы встречаемся с элементами северновеликорусского свадебного комплекса (достаточно, например сказать, что и южные карелы и вепсы пели свадебные песни и исполняли свадебные причеты на русском, а не на родном языке, иногда не понимая даже смысла исполняемого). Однако полного тождества, вопреки мнению проф. С. А. Токарева⁴⁶, здесь все же нет; более того, могут быть выделены особенности в обрядах, свойственные только южно-карельской или только вепсской свадьбе. Так, из черт, сближающих южных карелов и вепсов, но отличающих их от северновеликорусов, могут быть отмечены следующие. При успешном сватовстве женихом и невестой передавался особый залог третьему лицу, обычно не-родственнику, в знак того, что данное слово останется нерушимым. Невесты давала в залог что-нибудь из одежды, а жених — небольшую сумму денег. В случае нарушения брачного обещания одной из сторон залог передавали другой стороне. После венчания свадебный поезд направлялся в деревню молодого не напрямую, а дальним путем, через другие деревни «гнезда», где к этому времени зажигали факелы из соломы. В деревнях, через которые проезжали, а также в деревне молодого мужчины, завидя свадебный поезд, стреляли в воздух. На свадебном пиру невеста сидела, накрытая платком (пайк); свекровь или дружка внезапно сдергивали с нее этот платок и восклицали: «Нювя мучой? (Хороша ли молодая?)», на что все присутствующие хором отвечали

⁴² Ср. I. Manninen, Указ. раб., стр. 48—49.

⁴³ П. С.-ов, Оятские лапти, «Олонецкий сборник», вып. 3, Петрозаводск, 189-стр. 398.

⁴⁴ Определенное указание на наличие больших семей в районе р. Свири имеется в книге П. И. Челищева «Путешествие по северу России в 1791 году отставного секунд-майора Петра Челищева», СПб., 1888, стр. 6; ср. К. Бергштессер, Указ. раб. стр. 48.

⁴⁵ П. А. Соколовский, Очерк истории сельской общины на севере России СПб., 1877, стр. 111.

⁴⁶ С. А. Токарев, Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры, М., 1958, стр. 127.

«Нювя!» (Хороша!)⁴⁷. После брачной ночи теща подавала зятю яичницу; он, начиная ее есть с края или из середины, показывал, сохранила ли невеста целомудрие до свадьбы.

Местные черты обнаруживаются и в некоторых родильных обрядах. Отрезанную пуповину закапывали в подполье дома или же во дворе. Этот обряд, вероятно, очень древний, возникший на базе местной погребальной традиции, зафиксированной в смежных районах еще в эпоху неолита (погребения в жилище)⁴⁸. Обряд закапывания пуповины под жилищем или двором прослежен, помимо вепсов и южных групп карелов, также и у северных карелов. У южных карелов и вепсов до сих пор новорожденного завертывают в отцовскую рубаху (особенно, если рождается девочка), «чтобы отец любил», — как объясняли наши информаторы.

Похоронные обычаи и обряды также содержат ряд архаических черт, общих вепсам и карелам. У обоих народов прослеживаются два типа похоронных церемоний: один, сильно напоминающий великорусский обряд, состоит в оплакивании покойного (заупокойные причеты); другой тип, резко от него отличающийся, включает «веселение» умершего: когда покойник лежит в избе, сюда собирается молодежь с гармоникой, гармонист играет самые веселые, разухабистые мелодии; когда же покойника везут на кладбище, молодежь пляшет, двигаясь по дороге впереди лошади. Этот обычай зарегистрирован у средних вепсов и у лоянцев еще в 1957 г. Отметим, что у северных карелов такого обычая не удалось обнаружить; по-видимому, его здесь и не было⁴⁹.

Наши информаторы объясняли, что последний обряд исполняется обычно в том случае, если покойный — молодой человек, или же если сам об этом попросит перед смертью. Можно думать, что описанный обряд является более архаическим. В настоящее время подчас наблюдается соединение обоих обрядов.

Другой обычай, сохранившийся от далекого прошлого до наших дней (распространенный, правда, несколько шире границ расселения вепсов и южных карелов — у русского населения Посвирья, Пудогги и Каргопольщины, но не известный, например, поморам), состоит в «выкупании места»: в вырытую могилу бросают мелкие монеты. Этот обычай засвидетельствован археологами в местных курганах, и хотя существовал у многих народов⁵⁰, все же здесь он вошел в этническую традицию. Должен быть, наконец, отмечен и бытовавший в прошлом у вепсов и у карелов (а также у смежного русского населения) обычай обертывания гроба берестой, что известно и по археологическим данным⁵¹.

В области народных дохристианских верований также обнаруживаются и следы восточнославянского влияния и самобытные черты: персонажи низшей мифологии очень сходны с русскими; велика была роль деревенского колдуна (тйёдой нйеккү), широко были распространены заговоры («отпуски») скота; пастух в продолжение сезона не здоровался ни с кем за руку, не давал никому свой рожок (южнокарельск. — горви, вепсск. — торвь) и т. д.

VII

В народном искусстве вепсов и южных карелов также могут быть прослежены черты, сближающие их. Вепсы, по-видимому, никогда по настоящему не знали эпоса типа рун «Калевалы», распространенного у многих прибалтийско-финских народов. Впрочем, имеется указание на

⁴⁷ См.: «Олонекский сборник», вып. II, отд. 1, стр. 47.

⁴⁸ М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера Европейской части СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 29, М., 1952, стр. 215, 223.

⁴⁹ Устное сообщение Р. Ф. Тароевой.

⁵⁰ Д. Н. Анучин. Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда, М., 1890, стр. 182—184.

⁵¹ Ср. Н. Е. Бранденбург, Указ. раб., стр. 11, примеч. 2.

то, что у вепсов были записаны отдельные варианты руны об Иване Коенене (аналог былинному Ивану Годиновичу)⁵². Южные карелы так же хуже знают руны, чем северные карелы⁵³, причем ливвики лучше чем людики. Не исключено, что процесс карелизации древневепского населения на Олонецком перешейке, в частности, выразился и в распространении народного карельского эпоса. С другой стороны, у обоих народов прежде широко бытовал музыкальный инструмент, на котором обычно аккомпанировали себе певцы рун,— кантеле. Этот инструмент, зафиксированный В. Н. Майновым у вепсов в 1870-х годах⁵⁴, в настоящее время забыт. Из южных групп карелов он был известен у лоянцев, местами — у ливвиков Пряжинского района КАССР, меньше — у ливвиков вокруг Олонца. У северных же карелов кантеле встречаются изредка и до сих пор, а впервые упомянуты еще в третьей четверти XVIII в.⁵⁵

Музыкальный фольклор описываемых народов почти совсем не изучен. Некоторые специалисты, однако, считают, что в этой области, при сильном влиянии русского мелодического строя и общего музыкального колорита, все же сохраняются самобытные мелодии⁵⁶, свойственные народной музыке южных карелов и вепсов.

Ряд аналогий в культуре вепсов и южных карелов можно было бы привести, например, в области техники и приемов охоты, рыболовства, прикладного искусства, фольклора, но и на основе фактов, изложенных выше, нам представляется допустимым утверждать наличие большого количества общих карелам и вепсам культурных явлений в самых различных областях быта. Такие общие черты, как видно, могут быть прослежены почти в любой (если не во всех вообще) области быта и культуры. Особенно важно отметить, что наибольшее количество общих черт обнаруживается в быте и культуре вепсов и южных карелов именно тех групп, которые имеют с вепсами и наибольшую языковую близость. Близость эта настолько значительна, что позволяет дать их общую характеристику, говорить о культурном родстве обоих народов, опирающемся на древние исторические связи. Но различия здесь все же настолько существенны, что следует говорить о двух культурах — вепсской и карельской — как о самостоятельных. Свидетельством этому служит наличие промежуточной, переходной этнографической группы — населения Лояницы, — которая по одним культурным признакам стоит ближе к вепсам, а по другим — к карелам.

Особый интерес представляет выяснение причин того, почему у южных карелов и вепсов сложились столь близкие, хотя и самостоятельные культуры. Если сходство в хозяйстве и в материальной культуре в какой-то мере еще может быть объяснено сходными условиями географической среды, то общие элементы в свадебной или погребальной обрядности такому объяснению не поддаются. С другой стороны, далеко не все общие черты духовной культуры позволительно считать заимствованными обоими народами от великорусов. Наконец, очень сомнительна и концепция, представленная в работах буржуазных этнографов Финляндии, согласно которой общие черты в культурах финских народов восходят к эпохе прибалтийско-финского или, тем более, финно-угорского

⁵² См.: В. Я. Евсеев, Исторические основы карело-финского эпоса, М.—Л., 1957, стр. 180.

⁵³ См.: В. Я. Евсеев, Карельские эпические песни, Петрозаводск, 1950.

⁵⁴ В. Н. Майнов, Указ. раб., стр. 505.

⁵⁵ Г. Р. Державин, Поденная записка, učinенная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным (в кн. В. В. Пименова и Е. М. Эпштейна «Русские исследователи Карелии (XVIII в.)»), Петрозаводск, 1958, стр. 180.

⁵⁶ Устное сообщение дирижера Ю. М. Арановича, по просьбе автора статьи прослушавшего ряд записей выступлений участников художественной самостоятельности вепсов и карелов — из собрания карельского радио и телевидения.

единства: невероятно, чтобы эти общие черты могли сохраниться в неизменном виде в течение двух-трех тысячелетий.

По нашему мнению, при решении проблемы следует исходить из того, что в основе общности культуры вепсов и южных карелов лежит древневепский культурный комплекс, хорошо прослеживаемый по археологическим данным. Огромное значение имел тот факт, что оба народа развивались в одинаковых социально-экономических условиях, сложившихся в результате вхождения их в состав Русского феодального государства, что создало благоприятные условия как для самостоятельного развития культурных особенностей, так и, что особенно важно, для плодотворного культурного и языкового общения с русским народом.
